

Руан, который на мгновение опешил, наконец пришёл в себя и поспешно добавил:

— Ах, простите. Зверочеловек, которого я знаю, всегда ходит голым, совершенно не заботясь об этом...

Поняв ситуацию, Ральф улыбнулся и ответил:

— Нет, всё в порядке. В моём случае мать с детства тщательно меня приучала. Даже мой отец, как я слышал, пока не встретил маму, не думал о необходимости носить одежду.

— Приучала...

Глаза Руана затуманились, когда он услышал слова Ральфа, и он пробормотал:

— Это кажется... разумным.

Что же такого сделал Дитрих Рейнке, что даже такой добрый человек сделал такое выражение лица?

«Если подумать, тот зверочеловек, которого он знает, это, наверняка, Дитрих, верно?»

Зверолюди были чрезвычайно редкими существами. Даже Ральф, который благодаря своим обширным связям имел знакомых во всех кругах, лично знал только двух таких: своего отца и Северного Герцога.

Вероятность того, что рядом с Руаном, ближайшим советником герцога, окажется другой зверочеловек, да ещё и доверит ему свою тайну, была крайне низка.

Единственный запах, который он смог почувствовать на Руане, принадлежал Дитриху.

Но теперь он пребывал в беспрецедентной ситуации. Его сущность, как зверочеловека, была раскрыта кем-то другим.

Чуть расстроенный этим первым опытом, Ральф решил уточнить догадку и осторожно заговорил:

— Герцог рассказывал вам о зверолюдях?

Это был двусмысленный вопрос, который не утверждал напрямую, что герцог тоже зверочеловек, на случай, если Руан всё же не знал о его истинной природе.

— Ах. Вы же друзья? Значит, выходит, что вы в курсе, — дал столь же неопределённый ответ Руан.

Ответ, который, в зависимости от ситуации, можно было интерпретировать либо как то, что Ральф знает, что герцог зверочеловек, потому что они друзья, либо как то, что герцог знает об зверолюдях, потому что он дружит с Ральфом.

«Даже если Руан не знает, что Дитрих зверочеловек, и имел в виду последнее...»

Если бы он действительно не знал, его ответом было бы: «Почему вы упоминаете герцога?», а не это.

А значит, скорее всего, так же как и Ральф, он нарочно ответил уклончиво, не зная, насколько осведомлён собеседник.

Ральф посмотрел на советника, у которого с тех пор, как он упомянул о своей дружбе с герцогом, было загадочное выражение лица.

«Руан знает, что я такой же зверочеловек, как Дитрих, и что я его близкий друг. К тому же я первым заговорил о Дитрихе.»

Это была ситуация, когда человек, который до сих пор хранил тайну герцога в одиночку, мог говорить более свободно, чем когда-либо.

Но даже сейчас Руан тщательно подбирал слова, а не спешил с необдуманными высказываниями. Он постоянно оставался осторожным, защищая тайну герцога.

Руан Дэйн поистине...

«Добрый, но осторожный человек, преданный своей верности!»

Внутренний хвост Ральфа, который до этого безжизненно свисал к земле после того, как его личность была раскрыта, начал слегка вилять.

— Да. Герцог и я друзья, которые разделяют тайну. Так что, как и Его светлость, я тоже буду вам доверять, советник, — немного приободрившись, выразил своё доверие Ральф.

— Да. Спасибо за доверие. Я буду хранить ваш секрет так же тщательно, как вы доверились мне, — ответил обещанием оправдать оказанное доверие Руан.

Несмотря на то, что Ральф намеренно отметил, что они с герцогом друзья, связанные общей

тайной, Руан всё ещё исключал любое признание тайны герцога, говоря только о доверии с Ральфом.

Ральф посмотрел на Руана с восхищением.

Действительно, Руан был человеком с непоколебимой честностью.

Как можно не доверять обещанию такого человека?

Ральф подвинулся ближе к Руану, сев так, что их бёдра соприкоснулись. Через этот контакт он почувствовал температуру тела, немного более низкую, чем его собственная.

Он вспомнил, как ранее Руан, хоть и неловко, пытался погладить его так, как нравилось самому Ральфу. Это было так приятно, что, будь его хвост снаружи, он бы энергично вилял.

«Хороший человек.»

Руан был действительно хорошим человеком.

Любая собака, живущая в одной стае с этим человеком, несомненно, была бы счастлива.

С этой мыслью Ральф внезапно захотел, чтобы этот человек его погладил.

Поэтому он взял руку Руана, которая неуклюже покоилась у него на колене, словно не зная, куда деться, и положил себе на голову.

Он почувствовал, как тот напрягся от прикосновения, удивившись. Ральф потёрся головой о руку, которая просто неловко замерла на его макушке, и попросил:

— Не погладите меня?

— Мне вас погладить? — удивился Руан.

Ральф любил людей, а особенно физический контакт с ними.

Но он также хорошо знал, что не стоит просить о прикосновениях кого попало.

Поэтому он просил погладить его только тех, кто соответствовал его сложным критериям.

— Вы ведь уже гладили меня, не так ли?

Руан уже был классифицирован как «человек, у которого можно попросить погладить».

Но сам Руан об этом не знал, поэтому лишь в замешательстве смотрел на наглого пса.

— То есть если я погладил один раз, мне придётся теперь делать это постоянно?

Ральф, мысленно виляя хвостом, мягко пояснил:

— Ах, матушка говорила мне, что если я буду просить погладить у всех подряд, то заработаю себе репутацию ловеласа, как мой отец, и создам проблемы. А ещё она говорила, что не всем может нравиться гладить меня, так что у меня есть свои правила, кого можно просить о ласке. А вы, советник...

Чёрные глаза, ничем не отличавшиеся от тех, что были у него в звериной форме, внимательно смотрели на Руана.

— Вы ведь погладите меня, да?

После этих слов у Руана не осталось выбора, кроме как провести рукой по голове Ральфа.

Глядя его так, как он научился это делать методом проб и ошибок, Руан пробормотал:

— Я всё думаю... баронесса, похоже, воспитывала вас с особой строгостью.

На это Ральф, сильнее прижимаясь головой к его ладони, ответил:

— Да. Она всегда говорила, что базовое воспитание важно, чтобы хорошо жить среди людей.

«Не бросайся на первого встречного. Не приставай к кому попало. Жди, когда нужно ждать. Не кусай людей даже в игре. Веди себя спокойно там, где требуется спокойствие. И так далее...»

Так должно было быть, потому что...

— Мой отец наделал в высшем свете немало шума.

Сказав это, Ральф внезапно заметил, что Руан смотрит на него с выражением «О чём это ты вообще?»

— Ах. Вы впервые слышите о моём отце? Я был невежлив, решив, что вы в курсе, ведь история моих родителей довольно известна.

— Нет. Просто... я мало что знаю.

Руан, мысленно пожаловавшись на проблемы, возникающие из-за переселения в чужой мир, подумал, что его незнание выглядит подозрительным, и попросил рассказать историю.

Ральф поведал историю своих родителей, которую часто слышал с детства.

* * *

Отец Ральфа, третий гильдмастер Торговой гильдии Штайнер, Людвиг Штайнер, был весьма необычной личностью.

Семья Штайнер, изначально простонародного происхождения, получила дворянский титул при втором гильдмастере. Баронетский титул был пожалован семье за заслуги в освоении новых торговых путей и снабжение армии. С этим титулом они получили право посещать приёмы во дворце. Когда Штайнеры вошли в высший свет, Людвигу, сыну первого барона, было всего восемнадцать.

В тот год, на праздновании дня рождения императора, в бальном зале появился юноша, чья красота напоминала популярнейший товар гильдии Штайнер, изысканных фарфоровых кукол. Тех самых, с золотым орнаментом и драгоценными камнями, что пользовались таким спросом, что едва ли не каждый из присутствующих дворян хранил их у себя или дарил близким.

Говорят, он перевернул светское общество с ног на голову.

Конечно, дело было не только в его мягкой, почти сияющей внешности, словно сотканной из золотых нитей... Настоящим потрясением стало поведение, которое он демонстрировал, обладая такой красотой.

С точки зрения аристократов высшего света, он казался совершенно уникальным человеком.

Его поразительная красота и непривычное для аристократов дружелюбие, затрудняли чувство неприязни к нему, но, тем не менее, факт, что он был очень странным, оставался неизменным.

Дворяне никогда раньше не видели такого странного «человека», и Людвиг Штайнер стал для них настоящим шоком.

Но это было вполне естественно, ведь Людвиг Штайнер был не просто человеком, а зверочеловеком-псом.

Причём псом, которому не привили элементарных манер.

Его отец, торговец, который всю жизнь путешествовал по миру, не придавал большого значения этикету, и потому Людвиг вырос довольно свободолюбивым и раскованным.

К счастью, несмотря на свою неуёмную энергию и неумение контролировать крупное тело, он был добродушным псом, в котором не было ни капли агрессии. Однако его размеры и неуклюжесть сами по себе создавали разрушительную силу.

Так или иначе, когда в высшем свете оказался огромный пёс без воспитания, но с любовью к людям, неиссякаемым любопытством и восторгом от окружающего мира... Аристократы, которые никогда не видели такого зрелища в своей жизни, были в шоке.

Лишь Эделина Бранденбург, старшая дочь маркграфа, смогла положить конец этому хаосу.

<http://bllate.org/book/12567/1117810>